

В БУХАРУ —
С ТОРГОВЫМ КАРАВАНОМ.
ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОН

Шестнадцатый век, далекий век. Путешествия в те времена были долгими и опасными. Уходя из дома, уходили надолго, порой навсегда. И не случайно сквозь всю восточную поэзию звучал щемящий мотив разлуки, уходящего в даль каравана.

Но несмотря на все трудности и опасности, караванная торговля продолжалась, Великий шелковый путь жил. Как говорили древние, *Via est Vita* — дорога — это жизнь. Англия, Швеция, Голландия, через Русь, стремились на Восток — в Персию, Индию, Китай. Караванными тропами, а потом по морю, везли на Запад шелка, дорогие ткани, пряности, индиго и кошениль, драгоценные сосуды, украшения, ковры...

Однако не только страсть к выгодной торговле двигала купцами. Рука об руку с ней шло чувство любознательности, желание увидеть новые страны, узнать чужие народы. Путешествие всегда считалось благочестивым деянием, и прикованный к своему углу невежда никогда не становился истинным мужем.

Многие исследователи в средние века пытались достичь Индии, и вообще Востока, кратчайшим путем. Одни, как Христофор Колумб, двигались через океан на Запад. Другие, как Васко да Гама, огибая Африку с юга. Ну, а третьи искали морской проход вдоль северных границ Азии. Среди них была и снаряженная в 1553 году экспедиция английский мореплавателей Хью Уиллоби и Ричарда Ченслера. Она потерпела неудачу, суда погибли, и только Ченслеру со своим кораблем удалось достичь устья Северной Двины. И таким образом вместо Северо-Восточного прохода отважный мореплаватель открыл для Европы Русский Север. В Москве Ченслер был принят Иваном IV. Грозный царь был милостив и разрешил англичанам торговлю в России.

Так в Московии, как называли страну иностранцы, начала действовать англо-русская торговая компания. В 1557 году, после смерти Ченслера, главным представителем этой компании в России стал Энтони Дженкинсон, опытный торговец и бывалый путешественник. Еще за десять лет до описываемых событий он успешно торговал с Левантом, как именовали тогда страны Восточного Средиземноморья. Но теперь Дженкинсон имел поручение от компании разведать путь в Индию и Китай.

Однако и новые попытки пробиться в Азию через Северо-Восточный проход окончились неудачей. Корабли дошли лишь до острова Вайгач в Карском море и повернули назад. Было принято решение двигаться по суше. Кратчайший путь на Восток лежал через Российское царство вдоль по Волге до Астрахани, затем по Каспию и далее по Великому шелковому пути.

И вот в 1557 году компания снарядила экспедицию из Английского королевства в Москву и далее в Китай через Центральную Азию. Во главе экспедиции стоял Энтони Дженкинсон. Обстановка как будто благоприятствовала путешествию. Незадолго до этого Россия завоевала Казанское и Астраханское ханства, далеко расширив на юго-восток свои владения. Но, с другой стороны, в год, когда экспедиция покинула Москву, началась так называемая Ливонская война между Россией, Швецией, Польшей и Литвой. А войны, как известно, не лучшее время для путешествий.

Но как бы то ни было, а 23 апреля 1558 года экспедиция наконец покинула Москву и отправилась в далекий путь. Кроме руководителя, в состав ее входили служащие англо-русской компании Ричард и Роберт Джонсоны и татарин-переводчик. Но до этого предусмотрительный Дженкинсон заручился письмами царя к правителям чужеземных стран с просьбой о помощи и содействии. Впрочем, они не защищали от разбойников — главных в те времена врагов странствующих и путешествующих.

Бывалый землепроходец, Дженкинсон выбрал речной путь. Путешественники плыли вниз по Оке,

делая остановки в прибрежных городах — Переяславле Рязанском, стоявшем в пятидесяти верстах от сожженной ханом Батыем Рязани (только в восемнадцатом веке город был переименован в современную Рязань), в Муроме, известном своими ярмарками, но также и разбойниками в муромских лесах, в Нижнем Новгороде. На левом берегу Волги, у Макарьевского монастыря близ Нижнего Новгорода, путешественники как раз успели на ярмарку, где убедились, что товары купцы везут не только из российских городов и сел, но и из Бухары, Южного Кавказа, Индии, Персии: ружья и пистолеты, меха и кожи, шелка, ковры, пряности и драгоценные камни, воск и мед, заморские вина и сахар, рыбу и икру..

«Мы прожили в Нижнем Новгороде несколько дней, — сообщает Дженкинсон, — когда в город прибыл воевода, посланный царем, чтобы управлять Астраханью, с большим караваном судов, груженных продовольствием и снаряжением, со стрельцами на борту». Караван оказался как нельзя кстати, и далее экспедиция следовала в его русле.

В Казани, которая всего лишь за пять лет до начала экспедиции была завоевана русскими войсками, еще видны были следы осады и штурма. Для путешественников это была уже Азия — с шумом базаров, живописностью красок и пестротой лиц.

Астраханское ханство еще позже, чем Казанское, всего за два года до экспедиции Дженкинсона было завоевано Россией. Прибыв в город в устье Волги, Дженкинсон в своем дневнике отметил, что русский царь дорожил новым приобретением и заботился об

укреплении города, посылая туда лучших людей и продовольствие. Ведь здесь нет лесов и пастбищ, земля бедна и основным питанием местных жителей была рыба, особенно осетрина. «Торговые отношения, — писал наш путешественник, — не отличаются особой активностью, но все же купцы привозят товары из разных мест, в частности, из России зерно, из Персии шелк».

От Астрахани Дженкинсон уже следовал без охраны царских стрельцов.

Судно с торговцами из разных стран двинулось вдоль северных берегов Каспия курсом на юго-восток. И первое, с чем встретились мореплаватели, были естественно, «пираты». Лодка с тридцатью вооруженными людьми подошла к кораблю с явно недобрыми намерениями. Положение спас Азиз, святой человек, по словам Дженкинсона, совершивший паломничество в Мекку. Он убедил «пиратов», что на судне нет «неверных», и корабль был отпущен.

Почти месяц продолжалось плавание, и наконец, судно причалило к Мангышлаку. «3 сентября 1558 года мы разгрузили наш корабль и были приняты правителем и его людьми. И все время до отправления эти люди досаждали нам, воруя наши вещи, повышая цену на лошадей и верблюдов, продавая нам продовольствие по двойной цене и вынуждая нас покупать воду, которую мы пили». Вообще поборы в виде пошлины, завышенных цен на товары или обязательных подарков шли рядом с каждым караваном.

В ту пору места севернее Каспия и Аральского моря занимала Ногайская орда, в свое время часть Золотой

орды. Как раз в середине шестнадцатого века Ногайская орда распалась на три самостоятельных владения. На всем пространстве между северным Каспием и Аралом простирались владения хорезмского хана.

«16 октября прибыли в город, который называется Ургенчем, где заплатили пошлину за нас, за наших лошадей и верблюдов». Здесь, в Хорезме англичане впервые увидели диковинные плоды — дыни и арбузы, которые имели «вид большого огурца, но были желтыми и сладкими как сахар». Плоды эти местные жители ели после мясных блюд, вместо напитков. Удивило путешественников и незнакомое растение «джугара», у которого зерна росли «на верхушке тростника и имели вид гроздьев винограда».

Дженкинсон описывает Ургенч как город, расположенный на равнине и окруженный стеной. В городе имеется длинная улица, которая является местом торговли. Но из-за частых войн торговые отношения в этих местах ухудшились, и торговцы довольно бедны. Основные товары, которые продаются в городе, привезены из Бухары и Персии.

«Большинство зданий в этом городе, — пишет Дженкинсон, — построены из грунта, что является причиной их скорого разрушения». Действительно, в этих безлесных краях жилые дома были либо глинобитными, либо сложенными из сырцового кирпича.

Дженкинсон был принят правителем Хорезма Эшмухаммадом Султаном, передал ему письмо русского царя и преподнес подарки. «Надо сказать, — писал англичанин, — он принял нас очень хорошо, я отведал

различные яства в его присутствии. И на следующий день он снова послал за мной и стал задавать различные вопросы о нашей стране, о законах. В итоге, когда я покидал его, он предоставил мне письмо о гарантиях безопасности».

Среди диковин, которые увидел Дженкинсон во дворце, была рукопись исторического эпоса «Шахнаме», лишь недавно, в 1556 году, богато иллюстрированная по заказу Эшмухаммада Султана художником из Самарканда Мухаммад Мурадом. Дивной красоты миниатюры запечатлели сцены битв и поединков, беседы мудрецов и царские приемы, свидания влюбленных и состязания поэтов. Художник также нарисовал восстание, которое поднял кузнец Кова, произошедшее в Хорезме совсем недавно и жестоко подавленное.

Несмотря на охранную грамоту хорезмского правителя, на пути из Хорезма в Бухару Дженкинсону очень досаждали разбойники. Эти хозяева пустынных горизонтов были таким же стихийным явлением, как песчаные бури: внезапно налетали и быстро исчезали, если добивались успеха. У членов экспедиции была даже примета: если встречные всадники имели верблюдов, то значит это караван. А если у них были одни кони, то скорее всего это шайка. Вот как описывает Дженкинсон затянувшуюся схватку с местными робин гудами где-то в степи под Ургенчем.

«15 декабря утром мы увидели наездников,двигающихся в нашем направлении, и предположив, что это грабители, приготовились к схватке. Нас было 40 человек. Прочтя молитвы, мы решили сражаться не

на жизнь, а на смерть. Когда разбойники приблизились, мы увидели, что их около 40 человек и они вооружены луками, стрелами и мечами. Они предложили нам сдаться, угрожая смертью, но мы отвергли их угрозу и началась схватка, которая длилась до ночи и были убитые и раненые с обеих сторон. Утром мы получили предложение от главаря шайки и, соизмерив свои возможности, решили принять его условия. Мы отдали грабителям одного верблюда и много разных вещей, и они прекратили преследование. А мы продолжили свой путь и следующей ночью вышли к Амударье».

Ровно через восемь месяцев, после того, как Дженкинсон и его спутники покинули Москву, перед ними показались высокие стены Бухары. Благородная Бухара, как называли ее мусульмане Востока, вкладывая в эти слова чувства не только религиозной, но и эстетической почтительности, поразила воображение английских купцов.

«23 декабря мы прибыли в город Бухару, бывшую Бактрию. Город окружен высокой стеной со многими воротами. Большинство домов в этом большом городе сделаны из глины, но имеются и другие строения и памятники, сооруженные из камня и покрытие украшениями. Это достижения архитектуры, не имеющие равных в мире, и строительство которых требовало длительного времени», — писал Дженкинсон.

Какой же увидели Бухару англичане, когда въехали наконец в ее ворота? Да примерно такой же, какой выглядит сейчас историческая часть города. Путешественники дивились красоте мавзолея Исмаила

Самани, поражавшего своей соразмерностью и гармонией. Кладка из тонких фигурных кирпичей создавала сложный узор, который менялся в зависимости от освещения в течение дня. Говорили, что количество орнаментов на стенах мавзолея соответствует числу часов в сутках. Слушали рассказы о живших здесь в древности огнепоклонниках и любовались узорной кладкой мечети Магоки-Аттори, построенной еще в XII веке на месте зороастрийского храма. Минарет соборной мечети Калян — самое приметное сооружение в городе. Этот сорокасесиметровый колосс возвышается над прочими постройками олицетворением величия и спокойствия. Недалеко от Каляна расположено одно из трех медресе, построенных Мирзо Улугбеком — внуком знаменитого правителя и полководца Амира Темура, покорившего полмира. 140 великолепных архитектурных памятников — мечети, медресе, караван-сарай, бани, ханаки, украшенные майоликовыми плитками, резьбой по ганчу, возвышающиеся среди плоских крыш жилых домов, сверкающие небесно-голубыми куполами с гнездами священных птиц-аистов, делали Бухару похожей на город из восточной сказки.

В середине XVI века Бухарой правил Абдуллахан из династии Шейбанидов. В городе шло бурное строительство. Сверкало новизной медресе Мири-Араб, в котором более 200 учеников познавали премудрости знаний. Недалеко от одного из девяти водоемов, снабжавших водой жителей города, — Лаби-хауза кипело строительство будущего медресе Кукельташ. Тут же на берегу Лаби-хауза, рядом с медресе Надир

Диван-Беги, в котором остановился Дженкинсон со своими спутниками, стояла большая ханака. Путешественникам казалось удивительным, что центром архитектурного ансамбля был искусственный водоем, а не площадь или улица, как это принято в Европе.

В новых крытых купольных торговых рядах «Токи заргарон» и «Тельпак фурушон», построенных на перекрестках узких улиц, торговали ювелирными украшениями и головными уборами. Под куполами Тима Абдуллахана покупателям предлагали прекрасной выделки местные шелковые ткани. В тенистых помещениях «Токи саррафон» сидели менялы с весами для взвешивания золотых и серебряных монет. На городских базарах лавки представляли собой открытый живописный развал товаров, где мимо степенных торговцев с неизменными четками в руках текла пестрая толпа горожан. Возвышались над головами прохожих окруженные слугами и воинами знатные всадники в богатых, расшитых золотом халатах; в носилках-паланкинах, завешенных цветными шелками и коврами, мускулистые носильщики бережно несли укрытых от нескромных взоров жен уважаемых горожан; звенели колокольчиками дервиши — странствующие монахи; сквозь толпу медленно двигались запряженные маленькими осликами повозки с огромными колесами — арбы, груженные товаром.

Из мастерских ремесленников-кулолов (гончаров) в лавки поступали сосуды и блюда, покрытые прозрачной глазурью, с синей кобальтовой росписью, изображавшей растения и фигуры животных, летящих и сидящих птиц среди тонко написанной листвы

деревьев. В узорах этих сосудов было видно явное влияние китайского фарфора, который привозили купцы из Чина, и стоили эти изделия очень дорого.

Славились бухарские базары золотошвейными халатами и головными уборами, шерстяными яркими коврами, цветными войлоками и кошмами. Целые ряды лавок торговали чеканной медной посудой — кумганами, чойдышами, блюдами, украшенными тончайшими орнаментами.

Цитадель Арк — древняя резиденция Бухарского хана, возвышалась на искусственном холме над городом, мощные стены крепости защищали ее обитателей от стенобитных орудий во время осады.

«26 марта у нас появилась возможность лично встретиться с правителем, — сообщает Дженкинсон. — Мы передали ему письмо от русского царя и подарки, которые он принял с благодарностью и устроил по этому случаю пир. Через несколько дней он

снова послал за мной, и мы провели много часов, разговаривая о различных вещах, о Великих Тюрках, о нашей стране, о власти, о законах, о религии...».

Дженкинсон побывал и на ежегодной торговой ярмарке в Бухаре. Караваны привозили из Индии прекрасную белую ткань и парчу, пряности и специи, из Персии — шерстяные ткани, из России и других государств — овечьи шкуры, сосуды, кожи... К сожалению, не было в тот год караванов из Китая. Караванные тропы Великого шелкового пути лежали через Кашгар и Ташкент, где уже три года шла война.

Дженкинсон не решился подвергать себя и своих спутников новым опасностям и решил возвращаться домой. И в марте 1559 года большой караван Дженкинсона отправился в путь.

*Верблюдов отборных с ним тысяча шла,
И не было грузам богатым числа.
Сто рыжих верблюдов с дирхемами шли,
И сорок верблюдов динары везли...
С вьюками, где мускус и лучший алой,
С шелками, дивящими взор красотой, —
Их Чин поставляет, и Миср, и Иран —
Шел в тридцать верблюдов еще караван.*

Эти строки Фирдоуси написал не о Дженкинсоне. Но в них — неспешная поступь всех торговых караванов, прошедших по древнему Шелковому пути.